

мунтяну. м.

16/VI 1986 г.

МОЛОДЕЖЬ ИЗ ДАВНИ
Т. ИВАНОВ

16 АВГ 1986

Музыкальная гостиная

«НЕ ИЗОБРАЖАТЬ, А ВОССОЗДАВАТЬ»

Наряду с умением психологически точно и тонко передать состояние души своего героя, он приносит в каждую свою роль глубоко личностное: чистоту чувств и внутреннее благородство.

Сolist молдавского театра оперы и балета, исполнитель более двадцати ведущих теноровых партий, один из немногих, прошедших стажировку во всемирно известном Миланском театре «Ла Скала», певец, чьему искусству аплодировали не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами — во Франции, Дании, Италии, на Филиппинах, народный артист СССР Михаил Иванович МУНТЯНУ у нас в гостях:

М. М. — Давно мечтаю встретиться и поговорить с большой молодежной аудиторией. Меня очень беспокоит и тревожит то, что в театр, особенно на оперу, молодежь почти не ходит.

Корр. — А как вы думаете, почему?

М. М. — Одна из причин — инертность. Считается, побывал один раз на каком-либо спектакле, и этого достаточно на всю жизнь. Другая причина — вялая популяризация. Не снимаю вины с себя, с театра ни в плане творческом, ни в организационном, но проблеме популяризации оперы можно решить лишь сообща с комсомолом, со школой. Есть же у нас праздники, к примеру, 1 сентября будет широко праздноваться День знаний. Почему бы не пригласить на него моих коллег? Я уверен, все наши артисты откликнутся на такое приглашение с радостью.

Корр. — А вы сами принимали какие-то шаги в этом плане?

М. М. — Да, и не раз. Но, поймите, постоянно навязывать себя неудобно и обидно, в конце концов. Почему, когда наш театр выступает на гастролях в Ленинграде, Москве, Мурманске, Архангельске, в других городах страны — зал всегда переполнен? В Томске, помню, люди чуть ли не свисали с балконов...

Корр. — Молодежь!

М. М. — Молодежь! В основном — молодежь! Когда приезжают к нам на гастроли другие театральные коллективы, на их спектакли ходят. Считают своим долгом отметить, что ли?

И аплодируют, и нравятся, вроде. А ведь не раз случилось, что аплодировали постановкам гораздо слабее наших. В нашем городе очень уж любят «импорт». Наверное, виной тому отсутствие театральных традиций. Вот вам еще одна причина. К нам не ходят молодые еще и потому, что нас не знают. Наш театр оторван от рабочих, студенческих коллективов, со школой у нас тоже почти нет связей. Их надо искать, создавать — мы, артисты театра, готовы. Об этом и многом другом я и хотел поговорить с вашими читателями — молодежью, услышать их мнение, в чем-то переубедить, заинтересовать, поспорить. Ведь искусство, литература — школа жизни. И без этой школы им всю жизнь жить обделенными, ущербными, если хотите.

Корр. — Вы упомянули литературу. Какое место она занимает в жизни и творчестве оперного певца?

М. М. — Для работника сцены глубокое знание литературы — важнейшая, составляющая часть работы над ролью. Можно выучить музыку и либретто любой оперной партии и добросовестно воспроизвести их на сцене. Но это уже не искусство — это автоматизм. За чем же тогда ходить в театр слушать «живой голос»? Нет смысла изображать на сцене Хозе или принца Калафа, необходимо пропустить его образ через себя, проникнуться им, а сделать это невозможно без глубокого творческого осмысления характера героя. Разучивая партию Сергея Лазо из од-

ноименной оперы нашего замечательного композитора Давида Гершвелда, я прочел всю существующую у нас литературу о Лазо, а с его дневниками очень долго не мог расстаться. Мне было несказанно интересно прикоснуться к судьбе этого человека — личности незаурядной, очень цельной и глубоко талантливой. Понять Германа из «Пиковой дамы» Чайковского мне очень помог... Достоевский, пусть вас это не удивляет. В легкой ранимой, страдающей, обнаженной душе Германа я нашел много общего с героями Достоевского. При создании образа Ленского, чтобы полнее и глубже понять своего героя, все тонкости богатейшего колоритного русского характера, перечел не только Пушкина, но и Распутина, Абрамова. В литературной основе оперного характера лежит лишь схема, для постижения его недостаточно знать либретто, необходимо много работать, читать, искать...

Когда в исполнении певцом той или иной партии есть лишь голая вокальная техника, становится обидно и больно за него, за исполняемую им роль. По-моему, вершина мастерства оперного певца заключается в соединении вокального мастер-

ства и сценического артистизма. Самая высокая оценка для меня: певец-актер.

Никогда не забуду день, когда мне посчастливилось петь на сцене родного театра с Еленой Образцовой. Это было в 85-м году, в «Сельской чести» Масканьи.

Не забыть мне и «Трубадура» Верди 79-го года, когда моей партнершей по сцене стала известная кубинская певица Иоланда Фернандес. В этом спектакле есть сцена, где Манрико, мой герой, поет своей возлюбленной Азучене о любви, говорит о том, что они поженились и т. д. Азучена в это время не поет, а молча слушает, глядя на тебя. Бывает, взглянешь в глаза иной партнерше и... забываешь текст, наткнувшись на театрально остекленный взгляд. Именно поэтому я боялся смотреть на Азучену-Фернандес, но когда все-таки взглянул, я был ошеломлен любовью и нежностью, светящимися в ее глазах. В такие минуты на сцене происходит нечто неувловимое, неподдающееся описанию. Это... сиюминутность, та самая сиюминутность, когда все в первый раз, мгновения подлинного счастья, полного, всемерного ощу-

щения происходящего на сцене, когда ты не только поешь, играешь — живешь на сцене жизнью своего героя, когда действие захватывает тебя целиком, и мысли, и душу. Такие же мгновения я испытал, когда моими партнерами по сцене были Архипова, Богачева. Мгновенья, когда соприкасешься с истинным артистизмом, искусством перевоплощения. Они подобны искре, которая необходима для завода машины. Но самое страшное, когда машина не заводится. Тогда ее надо толкать. Бывают спектакли, после которых, кажется, плечи болят.

А вообще-то я очень люблю театр и каждый выход на сцену для меня — момент волнующий, он всегда новый, всегда будто первый.

Корр. — А каким был самый первый?

М. М. — Это было спустя полгода после окончания консерватории, когда мне доверили партию Каварадосси в опере Верди «Тоска»...

Первые впечатления, они всегда уникальны и незабываемые. Помню первое впечатление от музыки — у моей теушки был телефон, он-то и познакомил меня с пением Лемешева, Обуховой.

Меня потрясла первая встреча с певцами «Ла Скала», когда я приехал в Италию на стажировку. Там же я впервые увидел великие полотна Боттичелли, Леонардо да Винчи, Микеланджело. Я тогда позавидовал художникам: они могут годами работать над своими полотнами, доводя гармонию цвета и линии до абсолютного совершенства. Наше же искусство сиюминутно. И оценивается оно в зависимости от того, насколько высок твой исполнительский уровень в данной и в каждой последующей сцене каждого спектакля. Поэтому, каждый раз выходя на сцену, хочется спеть лучше, чем пел вчера.

Корр. — Наряду с театральной, у вас богатая концертная деятельность...

М. М. — Мне очень дороги концертные выступления. Они всегда эмоционально насыщенные, чем выступления на оперной сцене. Объясню почему: в театре сцена отделена от зрительского зала оркестровой ямой, когда же поешь с концертной сцены, видишь глаза людей и это всегда вызывает у меня ощущение интимного разговора, непосредственного

общения с каждым слушателем, сидящим в зале. Будто я пою для каждого из них, делюсь своими мыслями, размышлениями. Не менее важно для меня и то, что, если в театре встречаешься как правило в основном с постоянным зрителем, то при выступлении с концертом, каждый раз перед тобой новый слушатель, новый человек.

Корр. — В свои концертные программы вы часто включаете романсовую лирику. Это одна из ваших привязанностей?

М. М. — Да, и притом давняя. Особенно люблю петь романсы Рахманинова, Свиридова, Глинки, Мусоргского. У Рахманинова, например, каждый романс — законченный монолог, небольшое, но очень цельное произведение, в котором есть возможность начать и завершить образ, проведя его через все ипостаси, все состояния человеческой души.

Корр. — Михаил Иванович, в вашем творчестве чувствуется особое творчество к итальянской музыке...

М. М. — Если говорить о тяготении, то, наверно, будет правильнее, если скажу, что всегда стремлюсь к драматически насыщенным ролям, будь то итальянская или любая другая опера. Поэтому мне так дорог Герман из «Пиковой дамы» Чайковского, Радамес из «Аиды» Верди, Хозе из «Кармен» Бизе, Канио в «Паяцах» Леонкавалло. Что же касается итальянской оперы непосредственно — очень люблю веристскую оперу с ее натурализмом, поэтому, что это сама жизнь во всех ее проявлениях. Веристская опера — это всегда каскад эмоций, причем, эмоций не надуманных, не деланных, а сильных, подлинных, жизненно достоверных, как, например, в «Сельской чести» Масканьи или в «Паяцах» Леонкавалло.

Люблю Верди за неистовую жажду любви, глубину страданий, за богатейшую палитру человеческих чувств, за романтическую приподнятость и вдохновенность его героев. Давно мечтал о постановке на сцене нашего театра его оперы «Бал-маскарад» и с удовлетворением могу сказать, что эта мечта скоро осуществится. Эта опера близка и дорога мне своей основной мыслью, о том, что каждый человек имеет право в этой жизни на любовь. Человек не может и не должен жить без любви.

О. ЛЯХОВА,
студентка факультета журналистики ИГУ им. Ленина.